

18+

Гутиева Ханзарифа

Осколки

Ханзарифа Гутиева

Осколки

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Гутиева Х. Д.

Осколки / Х. Д. Гутиева — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Воспоминания нашей мамы, которая часто повторяла, что она "бьётся в этой жизни". Тут собраны некоторые подробности этого Боя, в котором она не теряла чувства юмора и невероятной честности. Большая часть событий разворачивается в Москве 70-х и 90-х годов.

Содержание

Книга 1	5
Будни	5
Из программистов в трактаристы	5
Блохи подземелья	7
Картонные пирамиды	11
Мы бяки буки	13
Щит и Меч	15
Протокол	16
ГРЭП баттл	19
Сухостой большой ценой	21
Возьмите Черта домой	21
Туляевы	23
Про Начальников и людей	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Книга 1

Будни

Из программистов в трактаристы

Тяжёл переход от заваленного программами стола, сосредоточенной тишины и психологической предсказуемости каждого рабочего дня к неформализуемому труду с расплывчатой перспективой результата, часто от тебя не зависящего.

Было непонятно поначалу желание работников ГРЭП'а сваливать вину друг на друга перед начальством, а не искать истинную причину оказии и пути её решения.

На заседании Правительства происходит что-то подобное – распекание, выволочка, грозные предупреждения вместо поиска решения возникших проблем. И все министры сидят и молчат.

ГРЭП – слепок с государственной системы управления.

Не понимая, что происходит, я всегда по старой привычке пыталась анализировать ситуацию. Если гнев обрушивался, с готовностью брала всё на себя, чем здорово обескураживала всю взбудораженную компанию. Не встречая сопротивления, упреки немедленно смолкали.

И пригвождение к кресту теряло свою прелесть.

Почти все сотрудники администрации конторы не имели высшего образования, или оно носило номинальный характер. Это отнюдь не относилось к их интеллектуальному уровню. Люди там собрались умные, энергичные, прошедшие рано свои жизненные университеты. Просто так сложилась их судьба.

Сметливая Дусина говорила мне, что с детства только и знала крестьянский труд, а с двенадцати лет таскала на себе тяжёлые мешки картошки. Она пила и умерла рано.

В Ковалевской пропал артистический талант. Её импровизации поражали своей экспрессией, брызжущим остроумием и образностью. Неустроенный быт в полуподвальной комнатке и полное одиночество всё больше и больше погружало её душу в психическую мглу.

Рябова, помимо потрясающей природной красоты, удивляла своей вёрткостью – она могла выскочить сухой из любой ситуации. А однажды подсказала решение нестандартной головоломки. Она пережила трагедию, расставшись с любимым мужем.

Чернышёва вообще отличалась мужским умом и деловой хваткой. Пошла на решительный шаг – родила дочь от женатого, воспитывала её сама. Сама же и обростала бытом – квартирой, дачей. Всё-всё делала сама.

Ирина Георгиевна – ума палата – могла разрулить любую ситуацию. Когда надо было, ныряла одна в любой загаженный подвал или лезла для инспектирования на тёмный чердак. Ничего не боялась. Её поклонникам было несть числа. Не успевал распрощаться один, как в дверь входил другой. Контору это чрезвычайно потешало, а она небрежно расшвыривала воздыхателей, ибо была по уму на голову выше их всех.

Один из них, уже немолодой мужчина весьма солидной внешности, приходил, садился напротив, и трогательно молчал часами, глядя на неё, пока она что-то писала, писала, писала...

Отнюдь не болтливая и обычно сдержанная, Ирина Георгиевна однажды в порыве весёлого откровения вспомнила об эпизоде далёкой молодости: «Ну вот уже всё, всё, всё было готово. Но в последний момент я его пнула ногой. Он как-то мне в одну секунду разонравился».

Ещё у нас были два прытких и вёртких инженера-кудесника. Им удалось изобрести такие дрожжи, что пироги всходили на глазах и каким-то чудодейственным образом превращались в машины и прочие блага цивилизации. Природу рецепта дрожжей, раскиснув от моих восхищенных похвал, добрые малые не стали держать в секрете, а даже предложили заняться с ними вместе увлекательной кулинарией. Моё неопределённое мычание было воспринято как согласие.

Через несколько дней моего молчания у них началась паника. Проходила она медленно, как тяжёлая болезнь. А я не спешила успокаивать, ехидно забавляясь их тревогой. Больше они со мной не откровенничали.

Мне они вполне были симпатичны, ибо «...ворюга мне милей, чем кровопийца...».

А были умны. Один блестяще учился в аспирантуре, но надо было кормить семью, и он аспирантуру бросил. А другой, в прошлом геолог, долгое время вкалывал на Севере.

Многих девяностые ткнули носом в землю.

О нашей начальнице Косиновой отдельный разговор. Бешеный темперамент, быстрый ум и решительный характер приводили меня в состояние гипнотического шока. Её природный артистический дар из любого собрания лепил неповторимый импровизированный спектакль с чётко распределёнными ролями, где главным героем и режиссером была она сама. Спектакль мог быть сокрушительным, но всегда интересным.

Приехали они из разных уголков России. Кто из городов, кто из отдалённых деревень и посёлков.

Перечень можно продолжать очень долго. Ответственно могу сказать, что государство, в котором такие люди не смогли профессионально реализоваться, – большое.

Моему, как им казалось, элитарному образованию сначала тихо завидовали, стараясь меня подколоть.

Как-то Сергей Иванович, бывший десантник, молодой мужчина, работавший у нас главным инженером, ехидно спросил после очередного распекания, и чего только я делала на предыдущей работе. Упрек незаслуженный, и его ревнивый мотив был очевиден.

Растерявшись, я неожиданно для себя тихо выдавила: «Искала истину».

После этого ко мне по поводу моего образования никто не приставал.

А потом и вовсе успокоились, ибо по характеру я – трудяга и без понтов.

Женская часть коллектива конторы – слепок неблагополучия государства. Именно в их неустроенных судьбах, срывающихся в истерику спорах и визгах, в привычном мате, лихо разбавляющем любую беседу, слышалась неизбывная русская несчастливость.

Молодости у многих в обычном понимании слова не было.

Свой медовый месяц Лосинова, ещё будучи дворником, провела в дворницкой на мётлах. Потом она с мужем рассталась, так и не став матерью до конца своей жизни. Больше замуж эта энергичная женщина не вышла. Кому нужна бедная девушка. А потом стало поздно, да и стоящие мужики все уже были заняты. Знакомая картина, не так ли?

Этот же путь повторился в судьбах и других женщин конторы – кто остался один с ребенком, кто вообще не нашёл своей половины, а кто вынужден был тащить семейную лямку с пьяницей или ничтожеством. Счастливых среди нас не было.

– Как вы можете работать с такими? – спросила меня как-то одна знакомая по двору – Вы, интеллигентная, не долго выдержите в этой помойке.

– А знаете, зря вы так. Они ничуть не хуже, – чуть было не сказала: «вас», – нас с вами.

Стерильная особа поджала губы и потеряла с этих пор ко мне интерес.

Ну как ей объяснить, что заграничные вояжи её мужа и возможность научных потуг дочери, материальное благополучие семьи и чистый, спокойный, устроенный быт есть следствие многочисленных уступок, компромиссов и просчитанных ходов, усилий по завязыванию нужных связей, книксенов и приседаний разного рода в нужное время и в нужном месте.

Всё то, что называется психологической несвободой.

А там внизу человеческие страсти не прикрыты лицемерной кисеей, и люди ежедневно вынуждены жить и выживать за счет исключительно собственного труда. Ну не повезло им родиться в рубашке, и судьба не подарила шанс для накатанной, предсказуемой карьеры.

Первое время меня очень смущала одна из моих служебных обязанностей – инспектировать мусорные контейнеры. Привыкла. И от осторожного заглядывания перешла к активному ворошению их содержимого. Нельзя было допускать наличие строительного мусора – контейнер становился неподъёмным. Тогда мусорщик просто поутру выбрасывал его вместе с рассыпавшимся содержимым на асфальт. Затем ехала комиссия, штраф мне и дворнику, – и месячное голодание с детьми обеспечено.

И вот однажды, вытащив свою голову из контейнерной помойки, я поймала на себе взгляд интеллигентного пожилого человека, полный ужаса и глубочайшего сочувствия.

Видимо он решил, что вполне прилично одетой тётке приходится рыться в поисках пищи.

Ещё почему-то непривычно было залезать в грузовые самосвалы для разъездов по участку.

Но очень скоро и контейнеры, и прыжки в самосвал перестали меня смущать.

Впереди ждали испытания куда более страшные, о которых даже сейчас без содрогания не могу вспоминать. Пришло, пришло время, когда я задумалась о Провидении и об Ангеле-хранителе каждого из нас. Хотя особой набожностью никогда не страдала. Но об этом позже.

Блохи подземелья

На моём участке из восьми улиц стояли многочисленные старые дома с чердаками и подвалами, просторными, грязными и опасными. Никто из идущих в густом потоке, спешащих или празднично гуляющих людей и не подозревал о наличии за вполне приличными фасадами зданий таких зловонных клоак, такого чрева с многолетней слежавшейся грязью прямо в центре столицы. Для их полной очистки нужна была целенаправленная работа, денежные средства и специальные рабочие бригады. И воля.

Но вся неподъёмная, неблагодарная работа ложилась на плечи всё тех же бессловесных отверженных и забытых.

Вот эти улицы: Большая Никитская, Романов переулок, Большой, Средний, Малый и Нижний Кисловские переулки, Калашный переулок, Суворовский бульвар (ныне Никитский).

Все жилые дома, все ведомства, дворы и закоулки, переходы, проходы и подворотни перенаселенных улиц требовали ежедневного контроля.

Не оставляли меня в покое ни днём, ни ночью непредсказуемые ЧП всего жилого и расположенного на этих улицах ведомственных фондов.

Как и его обитатели, среди которых находились люди не вполне адекватные.

Один такой житель с Суворовского бульвара побежал жаловаться начальству из-за выброшенного нашей бригадой хлама.

Несусветный хлам был набит в никому не принадлежавшую нишу лестничной площадки чёрного хода. Мы выбросили его, не подозревая, что у него есть хозяин и как он дорог его плюшкиному сердцу.

В каких драматических красках этот склочник описал наше вероломство, не знаю, но мне целый месяц пришлось голодать с детьми.

Дня через три после инцидента он шёл мне навстречу и как ни в чём не бывало широко улыбался, как своей старой знакомой.

И сказал: « Мы с вами подобно двум одиноким сердцам в утлой лодке среди бушующих волн житейского океана!»

Короче – псих с поэтической душой.

Сколько приходилось тратить сил и времени на всякие разборки между жильцами и на их жалобы по разным поводам – бегать по залитиям от текущих труб и кранов, по затоплению с гнилых крыш, на очистку комнат от вещей умерших. К этому добавлялся и контроль за ведомствами перечисленных улиц.

Поднимали меня и ночью.

В наследство от предыдущего техника досталась валявшаяся в ящике стола перепутанная связка ключей от чердаков и подвалов. Стершиеся адреса засаленных бирок из линолеума, устаревшие ключи от уже не существующих или сбитых замков требовали немедленной инвентаризации.

Когда дело было сделано, на огромной доске, прибитой к двери подсобки, на каждом гвозде с номером висел ключ с алюминиевой биркой. Отдельно к этому хозяйству была тетрадь, где по номеру бирки указывался адрес для ключа, – и никто не мог взять ключ без росписи.

Одновременно на ушки для всяких замков подвалов и чердаков участка были приварены цилиндры чугунных труб, чтобы нерадивые слесаря для доступа к объекту не выламывали замки, ленясь обратиться за ключом.

По окончании работы я насчитала на доске до трехсот ключей, аккуратно висящих на гвоздиках с чистыми бирками. Была проделана большая работа.

Сначала работники ГРЭП'а надо мной смеялись. Но потом из-за потерь слесарями ключей-дубликатов с диспетчерской потянулись ко мне. У меня не пропал ни один ключ, потому что в тетради каждый расписывался прежде, чем его получить.

Отсутствие в нашем национальном характере тяги к порядку с упорным постоянством отразилось в каждом штрихе грэповской деятельности.

Чердаки и подвалы на моём участке теперь были закрыты наглухо. Это очень важно, и вот почему.

В девяностых в СМИ маленькой заметкой промелькнуло известие о мученической смерти молодой девушки от рук маньяка. Он затащил её глухим вечером в открытый подвал дома 12 Суворовского бульвара, арендуемого музеем Народов Востока. Рядом располагалась дверь моего подвала, к тому времени уже прочно закрытая. В противном случае, возможно, он затащил бы её туда.

Трагедия проживавшей в этом злополучном доме несчастной семьи продолжилась – отец от горя спился и умер, а мать, продав квартиру, уехала навсегда подальше от жутких воспоминаний.

Говорят, американский джаз возник, когда отработавшие на похоронах музыканты возвращались домой. Для поднятия настроения они исполняли свои искромётные импровизации, чтобы снять стресс.

Нам это тоже было нелишне.

В первый день своей работы в конторе мне пришлось организовывать очистку двора дома 5 по Романову переулку. Когда увидела, как подневольные работяги набросились с лопатами на гору слежавшегося мусора, меня охватил стыд. По правилам я должна была стоять в стороне и следить за ходом работ. Лопаты взлетали в полном молчании, без остановки, без передышки. Люди прыгали на вершине кучи с остервенением и, не разгибая спин, спешили поскорее закончить.

А я, как положено начальнику, стояла в стороне. Схватив лопату, присоединилась к ним.

И тут вредная и въедливая дворник Нина Григорьевна Василенко, которая, как мне сказали позже, метила на место техника, сказала вполголоса: «Будете сами лопатой махать, ничего

у вас в работе не получится. Это не ваша работа». Я в растерянности замерла и после преподаваемого урока больше никогда не копала.

Однажды жильцы дома 8 по Суворовскому бульвару пожаловались на невыносимый запах в квартирах, несущийся из подвала дома. Дом располагался впритык к злачным тусовкам Арбата, где в 90-х целыми днями пили и кололись всякие подозрительные личности. Так что надо было быть готовым ко всему.

И мы пошли выносить грязь.

Не успел внук знаменитого революционера Нариняна нырнуть туда, как на него набросились блохи. Они жили припеваючи и размножались там на залежах всякого дерьма ещё с боевых времён его деда, спрятавшись от всех революционных бурь. Страну всю вычистили, а про блох забыли.

Володя, покусанный, выскочил с ужасом и категорически отказался спускаться в подвал.

Мы уныло побрели в контору объясняться с начальством.

Зычным голосом боевая баба Танька Косинова приказала лезть к блохам и немедленно очищать подвал. В принципе такой настойчивостью можно обладать в двух случаях: либо ты сама не знаешь, что это за напасть, либо, напротив, так привыкла к ним, что даже спишь с ними.

Не знаю, как в её случае, но меня бог миловал от второго, а гнать людей на пир для блох невыносимо. Я сначала пришла в ошолобление, а потом впала в истерику прямо у неё на глазах.

И тут сердобольная секретарша Галя Копылова сказала: «Что вы плачете? Ведь не вам же лезть в подвал, а дворникам».

И при этом все верующие. Чуть что, бегали к местному батюшке отцу Георгию за наставлениями и келейно прыскались святой водой. А он – бывший слесарь с окладистой бородой, – бывало, выставит огромное пузо на них, снисходительно слушает и благословляет.

В гениальной повести Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая...» есть характерный эпизод. Голодные детдомовские дети, обожавшие свою молодую воспитательницу, равнодушно отказались пойти на похороны, когда она внезапно умерла. Но помчались туда, как только узнали, что там будут раздавать варёное мясо.

Бездушные рождается не только от богатства, но и от дефицита эмоциональной среды в нищем детстве.

Вызвали дезинфекцию, обработали, и лишь потом можно было очищать подвал. Спасибо, сжалились.

Из смрадного чрева, полного жидкой грязи, несчастные несли и несли тяжёлые торбы мусора. Шли они, пошатываясь и обливаясь потом, по шаткой деревянной лестнице и вынесли за несколько дней не меньше тонны семидесятилетнего кошмара.

Чего там только не было – склад огромных прозрачных стеклянных плафонов от уличных фонарей начала века, старые газеты двадцатых годов, кошачьи трупы, тряпки, ящики и прочее слежавшееся барахло.

В подъезде этого же дома, но со стороны двора, умер бомж.

Вызвали санитарную бригаду. Заглянула она в вонючий тёмный подъезд, где под лестницей нашёл последний приют бедолага, – и призадумалась. Долго они ломали голову, как к нему притронуться, грязному, уже разлагающемуся, пока их не озарило.

Побежали они на Арбат, нашли у ларька пьяницу, кандидата на такой же конец в трущобе, и за бутылку водки он им вынес, поднёс и упаковал драгоценный благоухающий груз.

При этом, таща труп своего возможного собутыльника за ноги, неунывающий НОМО SAPIENS пел во всё горло: «...в бою не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...».

Разве можно победить такой народ!

В доме 12 по Суворовскому бульвару со стороны Калашного переулка на последнем этаже был вход на чердак со слуховым окном, выходящим точно на окна японского посольства на противоположной стороне улицы.

Подивилась его необычной чистоте, отремонтированным стенам и потолку.

Нижние жильцы говорили о странном арабе. Он наездами жил в соседней квартире и поднимался зачем-то на чердак и даже имел от него ключ. Потом, уже в горбачёвские времена, араб исчез.

Из окна слухового окна была видна панорама Москвы. Я подумала, как романтично здесь по ночам любоваться ночным московским небом.

Может быть, араб тосковал по своей Родине и декламировал восточного поэта, глядя на звёзды?

Ну, что-нибудь типа:

«В морях любви на дне есть жемчуг, и вот оттуда кладь моя...», или

«...Бросив дом, из-за Алеппо, из-за Шама я пришёл...», или

«Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач...».

Ну, что ещё в голову придёт арабу, если он высунется в слуховое окно, выходящее прямо на окна японского посольства?

Видимо муниципальные власти, или кто там ещё, привели в порядок грязный чердак, чтобы странный араб красиво тосковал по родной стороне.

Другим чердакам и подвалам, а заодно и нам, повезло гораздо меньше.

Иногда случай посылал любопытные предметы с помойки или от умерших людей, последнее обиталище которых моя бригада тоже должна была очищать.

Однажды мне позвонил старик с Суворовского, 12. И настоятельно просил меня прийти, потому что после смерти его соседки остались вещи, и он не знает, что с ними делать.

Видимо надо описать и закрыть помещение.

Вообще, на Суворовском, 12 жили бывшие работники министерства финансов – люди небедные, как правило.

На пороге меня встретил старик лет восьмидесяти пяти и проводил в комнату умершей. Вся комната была завалена тряпками, а по периметру стояли вещи. Там была посуда. Какой-то сервиз, ваза из фаянса пятидесятых годов, высокая синяя ваза из стекла. В дальнем углу на комод – старинный бронзовый подсвечник, на стене висели туры рога, а на другой стене в старинной резной оправе из красного дерева – большое зеркало. Что-то ещё.

Я остановилась по колено в тряпках и растерянно смотрела на всё это.

Странный старик сказал: «Берите, что хотите».

Решив, что он сбрендил, я устала в его ненормально блестящие глаза и медленно, с расстановкой спросила, знает ли он, что всё это стоит денег и, возможно, немалых.

– Ну, можете заплатить, – со странной усмешкой сказал он.

– Платить я вам не буду, да и не чем. Сообщу только дворникам, что у вас есть тряпки. В них у нас дефицит.

Не понравились мне его сумасшедшие глаза. И ушла я от греха подальше.

К нему, как я потом узнала, ходила некая молодая особа с целью женить на себе.

В другом месте моя бригада очищала комнату умершего. Зингеровскую ножную машинку с ажурной чугунной станиной мы спустили по лестнице, а мелкие вещи бросали сверху.

Среди них и была та самая немецкая эмалевая с голубоватым отливом кружка с делениями, трофейная, которую я до сих пор вспоминаю. Она, брошенная с девятого этажа, лишь чуть-чуть деформировалась. И ни одного скола или трещины на эмали! Чудеса.

Зингеровскую машинку кто-то из жильцов прихватил себе. А в бункеровоз полетели старые виниловые пластинки с песнями Вяльцевой и фигурный обливной комод сливочного цвета

со вставками из стекла. Туда же отправились двери со старинными бронзовыми ручками в стиле Арт-нуво и сундук работы прибалтийского мастера.

Многие дома в центральном округе принадлежат постройкам начала прошлого века, и некоторые ещё не разграбленные детали – старые фонари в прихожих, люстры с матовыми плафонами, дверные ручки – сохранились.

Дворник нашей бригады однажды в мусорном контейнере нашёл заляпанный, обросший слоем грязи графин. Отмыл его – и засверкал старинный хрусталь в серебре с ручкой из слоновой кости.

Это был графин знаменитого мастера Виноградова.

Так что, ройтесь, господа, ройтесь! Авось и вам улыбнётся удача.

А если серьёзно, то вся эта возня только унижает, изматывая последние силы, и полностью соответствует определению – рабский труд.

Были и такие помойки, что никакие сюрреалистические картины не идут с ними в сравнение.

Прошли годы, и, вспоминая эти пейзажи, этот отрицательный опыт, я уже путаюсь, где была реальность, а где мне это снилось.

Для реальности – слишком нереально, а для сна – слишком извращённо.

В снах приходили ко мне мои усталые работяги и мы шли по каким-то адресам – то на несуществующий чердак, то в зловещий подвал. И копали, копали, и вгрызались железными лопатами, и врубались тяжёлыми ломом в слежавшиеся горы мусора, как и было в реальной жизни.

То мне снится, что мы с Лианой Панцулаей очищаем чердак в старом доме на Малом Кисловском, том самом, постройки семнадцатого века, со сводчатыми потолками в подъезде и стенами метровой толщины, с множеством подвалов, неожиданных бетонных колодцев, заваленных доверху многолетним дерьмом.

И будто Лиана говорит мне, что нашла там тарелки, и не знает, что с ними делать.

То мне снится после реального убийства на Суворовском, 12, его длинный, не кончающийся чердак со множеством выходов на чёрные хода. Я иду одна при полной тишине, рискуя встретиться с кем угодно в любом из отсеков этого бесконечного перехода.

Так и было в реальности до убийства. После него одна туда уже не ходила.

То во сне я вскакиваю от страха, что проспала время выхода на очистку крыши, и мои отверженные и забытые в рассветных сумерках сгрудились в назначенном месте и тщетно ждут.

И теперь, повторяю, я не знаю, что было явью, а что сном

Картонные пирамиды

На углу Большой Никитской улицы располагалась одна ушлая контора или, как нынче принято говорить, офис. Рядом с ней на том же углу, к несчастью, были расположены наши контейнеры для мусора.

Передвинуть ни офис, ни контейнеры возможности не было, и их трагическое соседство приводило нашу бригаду к головной боли, будучи регулярно причиной неожиданного сокрушительного опустошения карманов, и без того тощих.

В сумерках, ближе к ночи, когда вся страна блаженно расслаблялась после трудов праведных, из этого, так сказать, офиса выползло неуловимое странное существо, нагруженное горой пустых картонных коробок. Крадущимися, осторожными прыжками оно молниеносно достигало контейнеров. Голубушки, уже убранные и вылизанные, стояли в своей невинной пустоте в ожидании следующего дня.

Лишение девственности происходило мгновенно, и так же мгновенно охальник растворился в сгущающейся мгле.

Поутру растерянный дежурный утыкался прямо носом в картонные пирамиды, бесстыдно торчавшие в поруганных бедняжках.

Ещё хорошо, если успевал быстро убрать следы преступления, и они опять начинали сверкать своей непорочной чистотой. Ну, как хирургическая операция по превращению женщины в девушку для особо привередливых мужчин.

Однако иногда некоторые извращенцы в администрации ДЕЗ'а из любви к искусству страшать и наказывать, опережая события, успевали объехать территорию с инспекцией раньше. Ну и дальше, сами понимаете, – выговор, лишение крупной части зарплаты и т.д. по отработанному сценарию.

Однажды место начальника нашего ГРЭП'а приглянулось родственнице какой то усатой «шишки», далее именуемой «усы», из этого самого ДЕЗ'а. Как-то он углядел наше слабое место в виде торчащего картона и ранним утром, опередив дежурного, – а им как назло в этот день была я, – потирая руки от удовольствия, вызвал к поруганным контейнерам нашу начальницу.

Я застала разгар битвы. Силы противников были неравны. Усы зловеще шевелились, а бедная Лосинова, поражённая приступом нервного словоблудия, орошала их Ниагарским водопадом оправданий. Она захлёбывалась, спеша объяснить необъяснимую ситуацию, обречённо сознавая, к какому краю пропасти своей карьеры приблизилась в это роковое утро. Усы были молчаливы, лишь изредка решительно и непреклонно встряхивались от брызг оправданий и продолжали зловеще шевелиться.

Взвалив на себя неподъёмную, хотя и благородную задачу, я наивно решила, что спокойная беседа подействует убедительней. Надо просто ласково, главное интеллигентно, не тараторя, в доходчивых словах донести печальную истину. Мы же все люди, в конце концов.

Речь свою начала торжественно, не торопясь, щедро разбавляя предложения словами: «видите ли, в чём дело», «как вам сказать», «извольте обратить внимание», «несомненно», «да, да, это концептуально, это существенно концептуально», и т.д. и т.п.

Усы замерли. Но только на мгновение. А потом с удесятерённой неистовостью зашевелились опять, почти перпендикулярно став к лицу. В их планы вовсе не входило уяснение ситуации, как раз напротив. И уж тем более с неизвестно откуда выскочившей сумасшедшей.

Пара, забыв обо мне, опять погрузилась в бурный диалог-монолог, понятный только им обоим.

Они в смертельном вихре стали удаляться подобно неразлучным Паоло и Франческе и вскоре скрылись из виду. Помчались к другим мусорным кучам.

Тут– то и стало ясно, что с бесстыжим офисом пора покончить. Если гадят, так пускай заплатят.

Чем занималась эта картонная фабрика, мне было неинтересно. Главное, разувшись от неприступной двери, надо было неожиданно с моими трудягами ввалиться прямо в кабинет к Самому.

Что и было сделано. Предварительно, весьма заинтересовав их намечающейся возможной наживой, провела инструктаж – как стоять, когда говорить и когда улыбаться.

Боевой отряд выстроился в каре перед большим столом Самого, очень колоритно выделяясь своими лохмотьями на фоне богатого интерьера и его солидного хозяина. На картонных коробках, оказывается, можно хорошо существовать.

Моя вступительная речь с упоминанием тяжёлого труда простого человека была выслушана со снисходительным терпением. Он немножечко напрягся, когда я коснулась к слову несправедливого распределения земных благ как неистребимого бича человечества. Но он ещё не понял, что к чему, и продолжал беззаботно взирать на отверженных.

– Кстати, позвольте Вам представить моих дворников, – перешла я к тяжёлой артиллерии в своём выступлении, – Рудольф Аркадьевич. Первый электромеханик международного судна. Во время пожара на нём в открытом океане организовал оперативное тушение, чем спас жизни членов экипажа.

Рудольф сделал шаг вперёд, учтиво наклонил голову и осклабился.

– Туляева, его супруга, преподаватель математики, – не унималась я.

Галина Николаевна сделала решительный шаг вперёд в своих изодранных, обрезанных сапогах с отваливающейся подмёткой, но не осклабилась и даже не кивнула. Это уже было нарушением инструктажа.

Вместо этого очень суетливая и велеречивая особа Галина Николаевна чуть было не сорвала представление, бросившись объяснять, как нехорошо картонные коробки выбрасывать, куда ни попадая.

Пришлось прервать её строгим покашливанием.

– Будущая знаменитость, талантливый художник и по совместительству зять небезызвестной Вентцель.

Будущая знаменитость инструктаж освоила хорошо и тоже осклабилась, держа в руках метлу.

Он только что кончил уборку и не успел с ней расстаться.

– Вы, конечно, слышали это имя? Нет?! Ну, полноте, батенька. Может и про теорию вероятностей не слышали? Жаль, жаль, – здесь по сценарию тяжёлый вздох и задумчивая пауза, но недолгая.

А то вдруг опомнится.

Дальше в несусветном треухе и рваной телогрейке выпрыгнул внук знаменитого революционера Нариняна. За артистические способности выпускника ВГИК'а я не беспокоилась. Всё было проделано с нужным изяществом, приведя глаза хозяина в состояние близкое к высказыванию из орбит.

Потом пришла очередь скромного студента ГИТИС'а Нагаева. Бесхитростный киргиз, впитавший с молоком матери периферийную провинциальность в великой семье народов, выходить постеснялся, но изобразил свою киргизскую улыбку, из-за которой его глаза вообще куда-то исчезли. С ним поговорим потом.

Хозяин был в глубокой оторопи. Я поняла, что клиент готов и нанесла решающий удар.

Короче, паря, плати деньги за своё свинство, которое ты регулярно учиняешь над такими уважаемыми людьми.

И, что бы Вы думали, заплатил. Очнувшись от свалившейся на него информации, лощёный господин вызвал свою секретаршу с бооольшим кошельком.

Деньги мы потом поделили поровну, по-братски. А мусорные контейнеры, оправившись от учинённого насилия, опять заблестели первозданной чистотой. И больше их не трогали.

Мы бяки буки

«... с паршивой овцы хоть шерсти клок...»

Оказалось, я умею воровать и грабить. Это несложно. Главное – обосновать надобность воровства и грабежа. И когда их необходимость очевидна, всё остальное – уже дело техники.

Поэтому, когда плачущая Рафига рассказала об учинённом над ней обмане, план сложился сам собой.

Обычно человек испытывает дефицит мотивации или, скажем, пассионарности.

А вот как в голову ударит – тут в тебе и просыпается некая целеустремлённость.

У Рафиги больше не было ни копейки. Зарплата грошовая, а двух сыновей надо кормить.

И нанялась она убирать, мыть, скоблить – ну, в общем, вылизывать квартиру на Калашном, арендованную неким Русланом со товарищи для своих тёмных делишек. И это в дополнение к своей и без того тяжёлой работе уборщицей.

А этот прохиндей вдруг перестал ей платить и всё кормил обещаниями. Затем намылился съехать – и с концами.

И мы пошли.

Никогда в жизни мне не приходилось больше так чётко осознавать, что с пустыми руками я не уйду, и страстно жаждать своровать хоть что угодно у проходимца. Как это делать, не знала, но решительность клокотала вместе с гневом.

Словом, не знала сама, что буду петь, но только песня зрела.

По нагромождённым коробкам в квартире скорый отъезд банды сразу стал очевиден.

Все вещи собраны – воровать нечего. Но я не отчаивалась и по-хищному внимательно присматривалась исподтишка.

В дальнем конце коридора молодая секретарша с удивительно порядочным и грустным лицом, скорее похожая на заложницу, объяснила, что Руслана нет и, когда он появится, неизвестно.

Этих доморощенных контор и всяких прочих забегаловок в Центральном округе в девяностых было пруд пруди. С сожалением и недоумением встречала я там молодежь лет двадцати. Что делали они там, зачем так бездумно проводили свои самые плодотворные годы? Вместо учёбы сидели все дни на телефонах, подносили чай и кофе дутым авторитетам, красились, маникюрвились, болтали, таскались по магазинам.

Невольно вспоминалась моя институтская молодость. В эти годы и часа свободного не было.

Столько оболваненных юных душ в погоне за миражом обогащений и дешёвого гламура и не подозревали, что за устойчивым, длительным успехом стоит всегда фундаментальное образование.

Богатые и успешные своих детей в такие конторки секретаршами не устраивали.

В соседней комнате рядом, развалиясь в креслах, сидели подельники Руслана. Все как на подбор в цепях и с бандитскими рожами. Компания резалась в карты и еле скользнула взглядом по двум убогим существам.

«Ваш начальник придёт сегодня?»

«Может быть придёт», – с некоторой паузой и через плечо.

«Ну когда, через час?», – пытаюсь уточнить.

«Может быть через час», – небрежно и не переставая играть, отвечает один из бугаёв.

«Может быть через два?» – тянула я время.

«Может быть через два», – уже издеваясь, лениво отвечает мне в тон другой.

«Может через три? А может вообще никогда?»

Мои вопросы повторяли в издевательски-предположительной манере, эдак с ленцой, без поворота головы в нашу сторону. В общем, неторопливая игра в пинг-понг. Я медлила.

И тут-то милая секретарша изволила на свою голову предложить нам кофею. Ну, прям, как в лучших домах ЛондОна.

Пройдя на кухню, мы чинно сели за сервированный французским сервизом стол.

Ба! Вот это мне и нужно было. Вот он, родненький. Меня дожидался.

Сервиз бандиты убрать ещё не успели.

Секретарша ушла, а мы, не торопясь, вкушали заграничный напиток.

Бедная Рафига даже не догадывалась, что последует после. Ей нельзя было раскрывать коварный план, чтобы по причине испуга наивная женщина, ещё верившая в возвращение Руслана, всё не испортила.

Всё допили – не мочить же мне сумку. А затем на глазах растерявшейся Рафиги, раскрыв свою торбу, я туда весь французский сервиз и сгрехала. Поместился.

Дальше Рафига следовала за мной к выходной двери как сомнамбула, а я на ходу благодарил сидевшую вдаль секретаршу – спасибо, кофе вкусный – и обещала прийти позже. Шли чинно, не торопясь.

И вот уже заветная дверь. Открываем, выходим на лестничную площадку. Здесь-то и команду резко, выводя обомлевшую Рафигу из оторопи: «А теперь бежим!»

Надо было успеть выскочить на улицу по крутой лестнице, скорее туда, где люди.

За нами гнался охранник и кричал: «Верните чашки, не то хуже будет!»

А я, убегая с сервизом, тоже кричала на весь Калашный, что если он посмеет связаться с женщинами, то все тёмные делишки его банды и его начальника-проходимца будут разбирать в милиции.

Очередь в посольство Нидерландов на Калашном с изумлением слушала нашу перепалку, и он отстал.

Мы выиграли.

Конечно, чашками и блюдами, пусть даже французскими, детей не накормишь, но отвоёванный сервиз был хотя бы слабым утешением за украденные деньги.

«Спасибо» от Рафиги не дождалась. Она была смертельно напугана и хорошо себе представляла, что ждало нас, не успей мы выскочить из этой берлоги.

Щит и Меч

На Нижнем Кисловском в девяностых была контора с претенциозным, опереточным названием

«Щит и Меч». Зная нашу национальную склонность от всех обороняться и всех лупить, я приблизительно представляла, что это за ведомство.

У входа в убогое здание всё время стояли молодые парни с широко расставленными ногами и с чем-то наперевес. На лице у них была чёрная маска с прорезями для рта и глаз. Кажется, известная как балаклава.

«...Хорошо, утратив речь, взять ружьё, чтоб гроб стеречь ...».

Ну, да бог с ними. Может они больше ничего не умеют.

Территорию вокруг убирал мой дворник Сенечка. Безобидный юноша и безотказный.

И вот однажды Сенечка вбежал ко мне с расширенными от испуга глазами.

Он жаловался, что вблизи офиса «Щит и Меч» к нему подошёл странный тип и ни с того, ни с сего ударил его, когда бедный юноша убирал мусор. Мы помчались на разборку.

Подоконник был ещё там и сидел в своём мерседесе.

Разъярённая, я рванула дверь авто и потребовала объяснений.

– Я те щас объясню, – на меня уставились бешеные глаза со странным блеском.

Они принадлежали тщедушному парню лет двадцати пяти с землистым цветом лица и угрюмым выражением.

– Знаешь, с кем связываешься? – и он ткнул мне красную ксиву, недвусмысленно обозначив свою принадлежность к вышеупомянутой конторе.

И меня понесло, как быка на красную тряпку.

Я пригрозила оглаской перед его начальством, – он обещал выйти из машины и т.А.А.Акое со мной сделать.

Я пригрозила криком собрать всю улицу, – он ещё раз огрызнулся.

Я побежала в хвост машины, чтобы записать её номера.

В этот момент дверь авто с шумом захлопнулась, и белый мерседес сиганул с бешеной скоростью по Нижнему Кисловскому переулку. И был таков.

Тут до меня дошло: мчащийся сейчас по улицам Москвы подонок – обкуренный наркоман.

Номер машины был передан участковому.

Через несколько дней он сказал: «Не лезьте, оставьте. Это ФСБ-эшный номер».

Всю сцену Сенечка наблюдал в стороне, смертельно напуганный.

Он проработал у нас недолго. Жил в предоставленной ему служебной комнате с двумя девицами, его подругами. Получал грошовую зарплату и, чтобы выжить, покупал на все деньги хлеб и сушил сухари. На них троица и жила до следующей зарплаты. Молодые, одинокие, никому не нужные.

Сенечка ушёл в шоу бизнес, приглянувшись какому-то в то время известному продюсеру.

Продюсер организовывал группу под названием, кажется, «Манхеттен».

Что уж там Сенечка делал, могу только догадываться.

Когда-нибудь вспомнят и напишут об этом потерянном поколении девяностых.

Возможно, появятся свои «Травиата» и «Богема», свои романы о загубленной молодости и о космическом одиночестве отверженных в большом городе.

Протокол

Власть – это тебе не хухры-мухры.

В каких академических вузах на лекциях научат поднимать бровь в нужный момент, устремлять испепеляющий взгляд на свою жертву, небрежно усмехнуться на взволновавшее тебя известие, будто тебе наплевать, да и вообще осуществлять свой план так, чтобы никто не догадался, пока он неожиданно для всех не реализуется.

И здесь интеллигентные папа с мамой могут только помешать, навешивая на тебя вместе с крахмальными воротничками массу рефлексий.

Да ещё к ним впридачу всяких Блоков, Ахматовых, походов в шахматные и художественные кружки, театры и литературные вечера.

Всё это, наконец, так замутит твоё животное начало, что ты уже не отличишь, что тебе действительно нравится, а что тебя заставляют «нравиться».

Короче, в итоге ты, конечно, Пушкина любишь, но не читаешь.

С классической музыкой то же самое – любишь, но слушаешь дешёвый шансон, где хриплым голосом Вася, разрывая на голой груди тельняшку, безыскусно исповедует тебе своё разбитое сердце.

Для Власти лучше в первой жизни быть НИКЕМ и чтоб звали тебя НИКАК, то есть незащищённым и незамутнённым воспитанием.

Вот тогда оттуда, с самого низу, и чем раньше, тем лучше, можно разглядеть, из чего сделано человеческое существо, и научиться им управлять.

Путь опасный, и выдерживают единицы.

Ещё Власть должна быть загадочной и непредсказуемой. Вот отдубасили тебя сегодня, и ты уполз зализывать раны, а завтра даже незначительный кивок покажется долгожданным прощением, и ты опять ползёшь к монаршей руке и с удвоенной рьяностью спешишь вернуть расположение.

Так в состоянии маятника держать отлупленных не очень просто. Нужна особая сметка, чтобы не перегнуть. Поэтому Власть иногда должна как бы расслабляться и расстёгивать верхнюю пуговицу рубашки – смотрите, ребята, я такая же, как вы. А если чо было – ну так все мы люди.

Ещё Власть должна быть щедрой. Ну, потому как скупые люди вообще противны и любить их сложно, и Власть это знает. А Власть надо любить, ну хотя бы чуть-чуть. Иначе твоя фальшь рано или поздно вылезет наружу. И Власти это не понравится.

Власть должна быть упрямой и не давать себя смущать. Вот, например, слушает она, слушает твои разглагольствования о рядах Фурье или трёхмерных интегралах. А на фиг они ей нужны. Здесь главное не пойти у тебя на поводу.

– Вот что. Вы там перестаньте мне фурыкать, мне это не надо. А лучше возьмите краску и покрасьте контейнер. Он у вас совсем заржавел.

И наконец, Власть должна быть артистична. Так, чтобы дух захватывало от её лицедейства.

Здесь очень важно не лениться, потому что спектакль надо проводить каждый день и менять репертуар, не закисать.

И вот стоит она, Власть, простая русская баба, чем только не битая.

Но как стоит!

Ты хоть всего Шекспира вылижи, а так не встанешь.

Короче говоря, когда простая русская баба Танька Лосинова соскучилась по новому спектаклю, она решила устроить его прямо в своём рабочем кабинете. По сценарию ведомствам и другим домам не на балансе ГРЭП'а надо было разъяснить, что бывает, когда на голову падает сосулька, и предложить им организовать самостоятельную очистку крыш от нашей вечной напасти.

И вот к назначенному часу в контору, где не соскучишься – «...иль это только снится мне...», – на Брюсов переулок потянулось почтенное общество.

В светлейший кабинет, где простая русская баба Танька Лосинова сосредоточенно что-то писала, не поднимая головы, гуськом вошли будущие статисты.

Пришёл председатель Союза журналистов, с виду неприятный мужичок с лицом «чего изволите?», Попов.

Пришла председатель ТСЖ богатого дома с Калашного. Всегда готовая к борьбе мадам с поджатыми губами, такая же ухоженная как её дом и закалённая в битвах Товарищества – палец в рот не клади.

Пришла рассыпающаяся старушка-общественница, возраст которой вызывал опасение, переживёт ли она заседание. Из тех старушек, которым всё надо знать.

Пришёл корректный голландский дипломат, двухметровый Ван Брюгге, или как его там. Прямой как жердь.

Пришли еще другие сошки помельче.

Все расселись в почтительном молчании.

Высокий, поджарый голландский дипломат Ван Брюгге, или как его там, скромно притулился на краешке дальнего стула. Весь он превратился в слух. Его небесные голландские глаза светились ответственностью.

Слушать, правда, было нечего. Простая русская баба Танька Лосинова продолжала сосредоточенно писать при полной тишине. Длилось это очень долго, и те, кто посмел переступить порог кабинета в легкомысленном настроении, успели давно с ним расстаться, перейдя в напряжённое состояние ожидания.

Наконец в трактате о бункеровозах поставлена точка. Авторучка отложена, и усталые карие глаза зорко вперились в притихшее общество, как бы впервые его увидев.

И как у домовитой хозяйки, заглядывающей в духовку, чтобы проверить готовность пирога, – достаточно ли поднялся и подрумянился, – оценивается состояние присутствующих.

Вот, кажется, этот, председатель Союза журналистов. Что-то во взгляде настораживает. Ну да ничего, быстро обломаем.

Пирог готов, господа! Заседание Совета Безопасности ООН началось.

Председатель СЖ с лицом «чего изволите?» Попов, мадам с поджатыми губами, рассыпающаяся старушка-общественница, двухметровый дипломат Ван Брюгге, или как его там, и

другие сошки помельче как опытные спринтеры на старте перед выстрелом выгнули спины и подались вперед к сиятельному креслу во главе стола.

Мне уготована была скромная роль протоколиста. Узнала я об этом прямо на заседании, потому что простая русская баба Танька Лосинова очень любила экспромты. Как-никак, натура артистичная.

Ужасу моему не было предела. На глазах высокого собрания я обнаружила полное незнание, что это такое. Сердобольные участники действия помогли, а у Косиновой на лице не дрогнул ни один мускул.

После короткого вступления обществу разъяснили, как опасно, когда сверху падают сосульки. Особенно неприятно, если она упадет остриём на самое темечко прохожего. Может быть и смертельный исход. Конечно, жизнь каждого человека бесценна, даже если это бомж из злочной тусовки с Арбата. Но представьте себе, если жертвой окажется какой-нибудь дипломат. Взгляд в сторону Ван Брюгге, или как его там. Ведь это может изменить весь ход мировой истории.

Двухметровая жердь вздрогнула и начала лихорадочно что-то записывать в свой голландский блокнотик. Ему и в голову не могла прийти такая причинно-следственная связь.

А вот простая русская баба Танька Лосинова её проследила. Даже не читая «Кандида».

Председатель СЖ с лицом «чего изволите?» Попов, мадам с поджатыми губами, рассыпающаяся старушка-общественница, двухметровый дипломат Ван Брюгге, или как его там, и другие сошки помельче застыли в ожидании спасительных советов.

И они не заставили себя ждать.

Чтобы избежать удара судьбы, надо к нему подготовиться – своевременно очистить крышу.

Какими силами? А нашими, грэповскими, если сами не можете. Разумеется, это не бесплатно.

И тут началось.

Недаром простой русской бабе Таньке Лосиновой не понравился этот журналист. Именно он начал бузить первым и сказал, что сосульки на его здании ему совсем не мешают. И вообще у него нет времени. Нельзя ли побыстрее изложить суть оставшихся вопросов.

Тут, будто очнувшись от спячки, зашумели все. А голландский дипломат Ван Брюгге, или как его там, поняв, что дело упирается в деньги, сразу полез за кошельком.

Но не такая простая русская баба Танька Лосинова.

Пришлось объяснить иностранцу, спокойно и с достоинством, что в России денег из рук в руки не берут, а платят по закону безналом через кассу. Дипломат опять понимающе закивал.

Мадам с поджатыми губами сидела молча. В бурных склоках своего Товарищества она научилась предвидеть, чем всё начинается, как продолжается и чем закончится. Мадам явно скучала.

А журналист всё не унимался. Въедливый оказался, хоть и с таким лицом.

А рассыпающаяся старушка была счастлива. Вокруг спорили, возмущались, возражали друг другу, наступали и отступали, аргументировали, разбивали аргументацию контраргументами, что-то требовали и всё записывали, записывали...

Она только успевала поворачивать голову из стороны в сторону, откуда слышался звук.

Жизнь вокруг опять кипела, возвращая её к славным общественным делам боевой комсомольской молодости.

Потом, когда страсти немного поутихли и каждый решил для себя, самому ли лезть за сосульками, или нанимать грэповских слесарей, наступил последний аккорд содержательной речи.

Оказывается, сосульки – это верхняя часть айсберга, а за ними съезжают с крыши мощные наледы.

Непосвящённые не смогут правильно очистить крышу, поэтому настоятельно рекомендуется обратиться к помощи специалистов – нашим слесарям Васе и Пете, а не устраивать отсебятину.

Двухметровый дипломат Ван Брюгге, или как его там, последнее слово не понял и нервно дёрнулся. Забыв в пылу спора о его готовности всё оплатить, простая русская баба Танька Лосинова восприняла это как легкомысленное небрежение.

Недоразумение послужило поводом для пространного описания метеорологических особенностей России.

– Это вам не какая-нибудь Голландия. Это – Россия! – гордо прозвучало в завершение лекции.

Ван Брюгге, или как его там, с готовностью закивал в ответ, не понимая, что его вместе с его Голландией только что ткнули в помойку. Бедный, бедный Ван Брюгге, или как его там.

И вот сидит перед председателем СЖ с лицом «чего изволите?» Поповым, перед мадам с поджатыми губами, рассыпающейся старушкой-общественницей, двухметровым дипломатом Ван Брюгге, или как его там, и перед другими сошками помельче простая русская баба Танька Лосинова, чем только не битая.

Ай да Танька! Ай да молодец! Чем не Шекспир?

В конце спектакля председатель СЖ с лицом «чего изволите?» Попов, мадам с поджатыми губами, рассыпающаяся старушка-общественница, двухметровый дипломат Ван Брюгге, или как его там, и другие сошки помельче расходились молча.

Они мучительно размышляли, – кто кого оставил в дураках?

Зато мои потуги принесли результат – впервые в жизни я написала протокол.

ГРЭП баттл

Наша начальница была как ядрёная закваска. Вокруг неё крутились все, подчиняясь совершенно бешеному темпераменту. Она правила бал как заправский режиссёр, заставляя людей то взметаться ввысь, то уходить в затяжной штопор.

Особенно удавались обильные застолья по любому поводу.

Поздними вечерами, промёрзнув в зимнюю стужу в пробежках по участку, я заскакивала на гостеприимный огонёк в администрацию ГРЭП'а на Дрюсовом (название изменено).

Пили все и мне наливали. Было тепло и уютно.

Справляли и дни рождения, и Новый Год, и другие праздники. Во главе стола восседала начальница и дирижировала ходом трапезы. Как ни странно, хотя и наблюдался некоторый диктат, это сплачивало. У неё был размах своевольной, решительной бандерши с зычным, хрипловатым голосом.

И вот однажды, не уразумев сценарий, в припадке полупьяной влюблённости во всех, я начала читать стих Бродского.

*Ты забыла деревню, затерянную в болотах
залесённой губернии, где чучел на огородах
отродясь не держат – не те там злаки,
и дорогой тоже всё гати да буераки.*

Среди слушателей большинство родом из деревень, поэтому рассчитывала на понимание, но не учла, что главный режиссёр и актёр – не я.

После наступившей тишины в бой пошла наша тяжёлая артиллерия.

Артиллерия тоже читает стихи, тоже проникновенно и возвышенно, ничуть не хуже своих подчинённых. Стихи длинные, про войну, стихи Исаковского, слышали такого?

Стук ножей и вилок почтительно прекратился.

В благоговейной тишине зазвучал главный голос.

Он разливался полнотой вод Инда и Ганга, поднимал нас к вершинам Гималаев, звенел сокровенными признаниями, разверзая перед притихшими слушателями экзистенциальные пропасти.

Словом, главный режиссёр творила чудеса. Однако в содержательной части были свои особенности.

Речь шла о молодом бойце, залёгшем с пулеметом в окопе.

Он лупил по фрицам и почему-то при этом переговаривался со своей мамой. А мамыны глаза, лучась сквозь боевой дым, вдохновляли его на подвиг проникновенным голосом. Он что-то спрашивал и обещал в крике, а они ему отвечали опять же проникновенно. В дыму и грохоте носились сверкающие мамыны глаза по полю боя для устрашения фрицев, – видимо, вместо боевого знамени поднимая сына в атаку.

И такая на поле боя пошла у них пьянка, что народ в почтительном молчании затаил дыхание, забыв о закусках и выпивке напрочь. Да и опасно в этот момент было шевелиться. А фрицы, разумеется, падали, как грибы в лукошко после дождя.

Мать и сын переключались сквозь пороховой дым и пулеметную очередь ещё долго, пока её образ не начал теснить по задумке поэта другой персонаж – Родина. Так они втроём в боевом экстазе и витали над нашими тарелками с сочной ветчиной, домашним салом, свежими и солёными огурчиками и многим чего ещё. Застолья всегда были обильными.

Всё бы ничего, если бы не проникновенный голос главного режиссёра, не хуже, чем у той мамы, декламировавшей эту белиберду с таким неистовым откровением, что я начала сползать под стол.

Оказывается, смех – страшная вещь. Как в «Имени розы» он может убить, разрушить, уничтожить.

Я приближалась к катастрофе, сжав зубы и боясь оторвать от тарелки взгляд. В последний момент Исаковский вместе с нашим боевым режиссёром оставил мамыны глаза и бойца в покое, – и я смогла глубоко и с облегчением вздохнуть.

На той стороне фрицы тоже, наверное, поминали свою маму, на своём языке и со своим Исаковским. Но, слава Богу, до них мы не добрались. Может, у них такой мамы и не было. Не знаю.

Кавалерийская атака на куст белых роз состоялась.

И грустная лирика Бродского в нежно-серых акварельных красках, полная горечи разлуки и глубокого социального подтекста отступила под натиском пулемётной очереди неповторимого шедевра Исаковского.

В наивной и неистовой жажде культуры, недоданной простой женщине, было столько непаханых страниц. Трудно представить, какие вершины ей покорились бы, родись она в другой среде.

Два человека по настоящему любили её – одинокая дворничиха – мать, державшая дочь в строгости, и детдомовская сирота Тамара.

– Танька, – кричала взрослой дочери мать – Ах ты, такая-разэтакая, едри твою душу.

И Танька послушно выполняла все её приказы, – грозная Танька любила и боялась мать.

Тамара часто приходила к ней, чтобы просто посидеть рядом и согреться от ласкового слова.

Мать умерла. Умерла и Тамара, не дожив и до пятидесяти, ибо детство у неё было голодным. Сердце не выдержало.

Это были единственные люди, которым ничего от неё не нужно было, кроме любви.

Сухостой большой ценой

«...ни науки, ни Бердяев, ни журнал «За рубежом» не спасут от негодяев, пьющих нехотя боржом...»

Мэр Рожков едет по московским улицам, развалившись в «мерсе», видит сухостой. Наполнившись вельможным гневом, отдает приказ своим поджопникам срочно его срубить.

Поджопники в рьяном раже отдают устно приказ главам Управ, а те – начальникам ГРЭПов, тоже устно.

Начальники ГРЭПов на собрании дворников отдают устно приказ техникам-смотрителям.

Техники-смотрители должны организовать работу по рубке деревьев-сухостоев – мол, ребята, полезайте на деревья и пилите их, – т. е. взять на себя ответственность за жизнь людей, абсолютно необученных этому непростому делу.

ЗдОрово, правда?

Кто, если что, в тюрьму сядет? – Правильно. Бесправный техник-смотритель. Ведь никаких письменных распоряжений, всё устно.

А вызвать специальную бригаду? Но на это ведь деньги надо выделить, а так просто – дешёвый рабский труд зависимых людей.

На собрании дворников, набросав сценарий возможной трагедии, я стала катализатором глухого недовольства зала. Когда же грозные рыки Змея-Горыныча со сцены не утихомирили покорных,

наступил неожиданный для всех момент истины.

Бравый кавалерист в юбке, никому не привыкшая подчиняться Лосинова вдруг осеклась. Зал униженных и отверженных притих тоже. И все услышали в напряжённой тишине невольно вырвавшееся растерянное признание: « А что мне делать? Мне самой в Управе приказали».

С собрания меня выгнали с позором, и правая рука начальницы Танька Мусина возглавила с ретивостью опасное мероприятие.

Эй вы, уроды, там наверху. Да когда же до вас, едри вашу мать, дойдет, что между вашими высочайшими приказами и их исполнением стоят живые люди?

Вот и полез дворник на дерево, не удержался, ветка под ним хрустнула, и он полетел вниз с приличной высоты. Пролетел на расстоянии десяти сантиметров от острия невысокой железной ограды палисадника. Переломал себе кисти рук, бедро, но чудом остался жив.

На следующее утро мой стол обступили мои отверженные и в глазах у них светился пережитой испуг. Как дети, просящие материнской защиты. Они и принесли мне это известие.

А Танька Мусина не сказала ни слова, будто ничего и не было.

Скандал замяли и парня тихо уволили после его излечения.

Придет время, и Сашины кисти и бедро начнут ныть в непогоду. А Рожков в Австрии будет удить рыбу в своём поместье.

В преддверии зимы наш плотник умница Тонаканян предупредил меня, что Саша – эпилептик. Тонаканян однажды схватил его в момент приступа на самом краю крыши. Сашу нельзя посылать на высоту. Приближалось время очистки крыш, а никто из администрации ГРЭП'а мне об этом не сказал.

И так повсюду – сплошная расхлябанность, беззаконие и, вообще, говно.

Возьмите Черта домой

На Грановского, ныне Романов переулок, стоит старый особняк Шереметьевых. В девятых там размещалась какая-то геологическая контора, в которой работали очень симпатич-

ные интеллигентные геологи. Внутри особняка всё давно разворовано, но величие лепнины, широких лестниц, высоких сводов еще напоминает о былой красоте и богатстве. В просторном кабинете начальника конторы деревянный потолок изумлял мощностью и изяществом своих перекрытий, а в комнате секретарши навсегда остывший мраморный камин завораживал сценами битв римских гладиаторов. До потолка добраться не смогли, а вот мраморные плиты каминки впоследствии были также кем-то украдены – они располагались пониже, как– никак.

Парадная дверь особняка выходила в уютный сиреневый двор-сад. В июне он расцветал душистыми гроздьями, и мои дворники, убиравшие сад, иногда позволяли мне сорвать одну-две ветки сиреневого душистого счастья.

И вот в этом-то дворе заправлял всем злой и хитрый пёс по имени Чёрт, своевольный и очень умный. Он рычал на проходивших мимо, а если был в особо плохом настроении, мог и укусить. Особенно не любил почему-то наших слесарей, которым приходилось спускаться для ремонтных работ в подвал пристройки особняка.

Еще там жила со своим выводком старая сука Чуня. Она была не такая злая, но вместе со своим дружком Чёртом тоже чувствовала себя хозяйкой двора и могла присоединиться к его лаю для устрашения чужаков.

Словом, собачье царство. А интеллигентные геологи их подкармливали и считали как бы неотъемлемой частью дворянской усадьбы. За что псы снисходительно терпели геологов.

И когда Чёрт, находясь однажды в особо зловредном расположении духа, изрядно покусал слесарей, мне пришлось вызвать бригаду по усыплению собак.

Уж не знаю как, но Чёрт каким-то неведомым путем учуял опасность ещё до приезда бригады и исчез в длинных коридорах пристройки с утра на весь день. Сколько его ни звали, ни выманивали, он, обычно не покидавший своих дворовых владений, затаился, – и ни звука.

А вот Чуня оказалась простодушной, и за ней началась погоня по всему двору вызванной бригадой. Поднялся шум, крик загонщиков, и обезумевшая Чуня бросилась наверх на чердак пристройки к своему выводку, откуда ее не так просто было достать.

А Чёрт как в воду канул.

На поимку Чуни пошёл начальник бригады, весьма интеллигентный молодой человек в очках, – чем только не приходилось заниматься интеллигентам в лихие девяностые, – и на некоторое время он скрылся в подъезде пристройки.

На шум и крик выскочили мужчины-геологи, и тут началось!

Узнав, что пошли усыплять Чуню, они набросились на нас, извергов.

За короткий период, пока на чердаке гонялись за Чуней, мы узнали о себе много интересного.

Мы, работники ГРЭП'а, известные негодяи, чего от нас ждать. Люди грубые, бездушные, поголовные взяточники, бездельники, неизвестно, какая от нас польза, сплошная серость и бескультурие. Откуда нам понять преданную собачью душу, да нам вообще никто из животных не нужен. А ведь Чуню любит и кормит вся геологическая братия. Что она вам плохого сделала?

Хор негодования шел по нарастающей, и к первым негодующим присоединялись их коллеги, коих становилось изрядное число.

Посыпались предложения спасти Чуню от этих варваров. Было решено взять ее к одному из геологов на дачу. Идея получила горячее одобрение, и от меня в категорической форме потребовали прекратить убийство пока не поздно.

Я ничего не имела против Чуниной дачной жизни и уже ринулась к подъезду.

Как оказалось, было, действительно, совсем не поздно, потому что выскочивший с чердака начальник бригады с ужасом сообщил: без спецсредств к Чуне подойти невозможно, т.к. она вся покрыта чесоткой и очень-очень заразна.

Известие оказалось неожиданностью для защитников Чуни и погрузило благородное общество в полную немоту. После непродолжительной паузы возмущенные возгласы возобновились, но уже вразнобой и больше по инерции. Их громкость и частота резко пошли на убыль.

Как-то само собой толпа стала постепенно редеть, и каждый покидающий ее почёл своим долгом пробормотать что-то о негуманности человечества, но уже не таким возмущенным голосом и совсем не так адресно как ранее.

О Чуне уже никто не вспоминал, а разговора о даче как бы и вовсе не было.

Когда все сострадательные стеснительно растворились за тяжёлыми дверями особняка, наша грязная работа продолжилась, и бедная душа Чуни с помощью инъекции отошла в мир иной.

А хитрый Чёрт остался жить, но с этих пор присмирел.

Туляевы

Супруги Туляевы были очень любопытной парой.

Они приехали в Москву из Керчи, потому что надо было поддержать дочь, поступившую сначала в Мерзляковское училище, а потом и в Консерваторию по классу скрипки.

В Керчи Юля выиграла огромный конкурс в московское училище, а денег не было.

Вот родители и взялись за лопату и метлу.

В прошлом Рудольф Аркадьевич был первым электромехаником международного судна, а Галина Николаевна – преподавателем математики.

Энергичная Галина первое время по ночам продавала хлеб на вокзалах.

Муж взял фамилию жены. Я никогда не спрашивала, почему. Но однажды, забыв у меня на столе медицинскую справку дочери, она вернулась и незаметно её забрала.

Если бы не этот осторожный жест, я бы никогда не узнала фамилии её мужа – Клейман.

Откуда мне было знать, чья справка забыта на моём столе – народу всегда приходило много.

То ли еврейская, то ли немецкая текла кровь в его жилах.

У нас по известным причинам лучше не иметь таких фамилий.

С фотографии, где Рудольф молодой, смотрит удивительно симпатичное лицо с пронизательным взглядом, высоким лбом и толстыми чувственными губами. Такие лица в моё время ещё встречались где-нибудь на математических или других естественных факультетах. Однажды он спокойно наметил решение в шутку брошенной мною задачки. Я спросила Галину, где она нашла такого умницу.

И Галя в свойственной ей непосредственной манере ответила: «Ой, да о чём вы говорите? Видели бы, какие за мной ухаживали! У меня ещё лучше был. Знаете, что его ни спрошу, тут же расщёлкивает. Но как-то не сложилось. Я была такая весёлая».

Тараторила она всегда безумолку.

Насчёт веселья не очень верилось, но зато живой, непоседливой, суетливой и болтливой, хотя и беззлобной – это точно.

Они оба были работягами. За что бы Рудольф ни брался, всё у него получалось. В нём всё время пульсировала творческая жилка. Очень быстро его пристанище обросло отреставрированной мебелью, столами, кроватями и прочими нужными в хозяйстве предметами. Найдя на помойке сломанный электродвигатель, он его починил и приспособил для электропилы.

Через некоторое время Рудольф с Галиной купили фотоаппарат поляроид, потом видеокамеру и устроили моей семье видеосессию. Теперь эти бесценные и единственные видеовоспоминания хранятся у меня дома. Всё это они приобрели, подрабатывая дополнительно в свободное от основной работы время.

Всегда безотказные, готовые прийти на помощь, они чрезвычайно помогали мне. Я это ценила, начальство – нет. Казалось, делалось всё, чтобы подавить творческую самостоятельность моих помощников. Из какой-то глупой бабьей зависти, что ли.

Обнаружив неубранный снег на участке Рудольфа, что для него было редкостью, начальница устроило и ему, и мне скандал, нарочито не поверив, что человек лежал с температурой в сорок градусов. Пришлось Галине и Рудольфу, находившемуся в лихорадочном состоянии, отправиться в поликлинику, чтобы сунуть начальнице в нос заключение врача.

Неубранный участок пьяницы Ткачук почему-то не вызывал подобных скандалов. Возможно по причине её родственных связей с начальником милиции.

Ни с того, ни с сего на собрании высмеяли Рудольфа за то, что он помог прикатить мне бочку краски для контейнеров. Хотя это дало возможность моим дворникам вовремя привести их в порядок. А через день проезжавшая с инспекцией комиссия из ДЕЗ'а выставила акты за непокрашенные контейнера всем, кроме нас. Неполадки на других участках начальство молча проглотило, как бы не заметив.

Вообще, иногда казалось, что хорошо выполненная работа – не основной принцип построения вертикали власти в жилищно– коммунальном хозяйстве. Иначе там давно наступил бы порядок.

Чаще реализовывался другой принцип – не дай бог проявить инициативу, большую, чем разрешает начальство, ибо надо оставлять такую прореху, чтобы было, за что ругать. А иначе, какой же ты начальник?

Точно как у Бориса Слуцкого:

Никоторого самотёка!

Начинается суматоха.

В этом хаосе есть закон.

Есть порядок в этом борделе.

*В самом деле, на самом деле
он действительно нам знаком.*

*Паникуется, как положено,
разворовывают, как велят,
обижают, но по-хорошему,
потому что потом – простят.*

*И не озарённость наивная,
не догадки о том о сём,
а договорённость взаимная
всех со всеми,
всех обо всём.*

А Юлия действительно была талантлива. Из-за сложностей в коммунальном муравейнике Юля иногда приходила готовиться к музыкальному уроку ко мне домой. Нам была только радость. В отдельной комнате девочка забывалась так, что вздрагивала, если кто-нибудь её потревожит. Ей очень нравился скрипач Яша Хейфец. И я ей подарила пластинку из моей фонотеки с записью его игры.

К милостям неуравновешенных и коварных начальников надо относиться очень осторожно.

Не обольщаться их расположением.

Как-то дворники откликнулись на предложение начальницы продемонстрировать таланты своих детей на импровизированном концерте.

И мы услышали игру на скрипке Юлии и искомётное выступление красивого сына Рафиги.

«Вот они, униженные и отверженные, – так думалось, когда мы слушали игру Юлии и талантливый пародии сына измученной уборщицы Рафиги, – молодые и счастливее многих».

Но вернёмся к Туляевым.

Однажды суетность и заполошенность Галины Николаевны чуть не подвела меня к тюрьме.

Моя бригада встала в круговую охрану у подъездов дома 5 на Романовом переулке для очистки крыши от сосулек и наледи. Галина была поставлена сторожить в арке этого дома, чтобы, не дай бог, никто не проскочил. Над аркой как раз шла очистка, и огромные глыбы льда грохались вниз у выхода, разрываясь как бомбы. Я стояла за углом от арки и не могла этот выход видеть.

Но была спокойна потому, что проход неширок и там на страже – Галина.

Мы спокойно о чём-то беседовали с Рудольфом, и, одновременно, в поле моего зрения был весь внутренний двор дома, где стояли у подъездов дворники. В общем, ни одна муха не влетит, не вылетит.

Сброс продолжался по плану, а мы не торопясь, вели беседу о том, о сём, и внимательно оглядывали двор, совсем не беспокоясь за арку. Так продолжалось довольно долго, как вдруг!

Сколько пронеслось с тех пор лет, а я никогда не забуду этого неожиданно охватившего меня волнения.

Откуда оно появилось? Почему ни секундой раньше, ни секундой позже?

Ведь ничего не предвещало несчастья. То же безмятежное небо, те же деревья, знакомый двор, и люди стоят спокойно, и сброс идёт по плану. Но в сердце поднялась необъяснимая тревога. Я прервала на полуслове беседу и пулей выскочила за угол. Скорее, скорее к выходу арки.

А там, у самого выхода из тёмного прохода, уже почти выйдя из полутьмы на свет, шёл мужчина тридцати пяти лет. Он только -только занёс ногу для следующего шага к роковой полосе, отделявшей свет от полутьмы, куда сверху в этот самый момент летела с семиэтажной высоты старинного дома сброшенная огромная ледяная глыба. Она должна была упасть точно ему на голову, когда как раз нога опустится на землю.

И никакой Галины Николаевны.

Всё это я сообразила уже потом. А тогда утробный, звериный рёв, сокрушающий все окна, стены, подъезды, весь мир внутри двора потряс жителей дома. Я никогда ни до, ни после не кричала так неистово, надрывая все свои внутренности от ужаса и отчаяния, сама ещё не сообразив всё до конца.

Этот крик мужчине спас. Он отпрянул, и тут же ледяная бомба грохнула на то место, куда через долю секунды он должен был ступить. Лицо его медленно стало покрываться смертельной бледностью.

Страшно представить себе, если бы реализовался худший сценарий. Ему – смерть, а мне – долгая тюрьма.

Замерли все – и те, кто стоял внизу, и те, кто был на крыше.

Здесь то и выскочила наша голубица. Оказывается, она, прижав к одной стене арки нердивого прохожего, читала лекцию об опасности легкомысленного отношения непослушных вроде него к процессу сброса. Нельзя игнорировать предупреждения от охраняющего, ибо можно угодить под сосульку и т.д., и т.п. И пока Галина верещала ему эти истины, повернувшись спиной к другой стене арки, а следовательно, потеряв её обзор, прямёхонько под самой аркой и пошёл навстречу своей смерти ничего не подозревающий второй прохожий.

Обрушенный на Галину крик уже был моей нервной разрядкой.

В тот день я прошла в сантиметре от великого несчастья и до сих пор не знаю, кто меня от него отвёл, поселив в моём сердце тревогу ни секундой раньше, ни секундой позже.

Любопытна реакция прохожих на предупреждения при сбросах с крыш. Соотечественники нас крыли матом, плевались, требовали немедленно открыть проход и вели себя в лучшем случае отстранённо.

Одна сумасшедшая старуха вообще с ворчаньем махнула на нас рукой и ступила прямо под ледяной обстрел. Чудом уцелела.

Когда же на ограничительную ленту наткнулись два зазевавшихся японца, которых мы попросили обогнуть место сброса, их благодарности не было предела, и они стояли и кланялись, и кланялись нам.

А на Калашном при сбросе смерть подстерегала уже меня.

Существует, как потом открылось в печальном опыте, порог величины отношения высоты очищаемого дома к ширине улицы. На Калашном он был недопустимо высок. Поэтому сброс был похож на расстрел стоящих внизу. Глыбы били по противоположной стороне и отлетали прямо в нас, а деться было некуда. Ну как детская игра в лапту с одной стенкой вместо игрока. Здесь нужна была предельная сосредоточенность.

Поздним вечером уже в сумерках, когда трафик по переулку приходилось периодически останавливать, мы слушали массу оскорблений из машин от нетерпеливых водителей.

Один из них, потрясая красным мандатом депутата Госдумы, пообещал стереть нас в порошок, если его немедленно не пропустят.

Тут-то я и обернулась сказать ему пару слов и послать, куда надо с его ксивой.

А зря. На три секунды ослабив внимание, не заметила, как приличная глыба льда пролетела в тридцати сантиметрах от моего лица и ударилась в стену противоположной стороны, где я стояла. Теперь смерть прошла в сантиметрах от меня.

В критическую погоду – резкое потепление, и как следствие повсеместное падение наледи на пешеходную зону – бригада разбивалась на группы, периодически сменявшие друг друга в охране. Не могла на передышку уйти только я.

А так как домов на участке было много, то иной раз очистка крыш занимала по двенадцать часов бесперебойной работы. Не успеешь вовремя – жди несчастного случая.

Однажды, начав в восемь утра, я закончила в восемь вечера. Еле держась на ногах, отправилась напоследок к своему дворнику, чтобы наметить на следующий день план очистки крыш оставшихся домов.

Меня мучила невыносимая жажда. Мне вынесли литр тёплого сладкого сока облепихи.

В голове пронеслась мысль, что ёмкость слишком велика – не выпью всё, и придётся драгоценный сок выливать. Но губы уже тянулись к кружке и жадно глотали, не отрываясь. В этот момент моё существо разделилось на две половины – одна неистово пила, а вторая, как бы отделившись от первой, приходила во всё большее изумление от количества непрерывно поглощаемой живительной влаги. Я уже не могла остановиться. И вместе с соком по всем жилам стала растекаться живительная сила.

Смешно вспоминать, но впечатление было таким сильным, что каждый раз, встречая дворника, протянувшего мне литровую кружку с облепиховым чудом, я постоянно ему напоминала о ней и благодарила. Наконец он начал смотреть на меня с некоторой растерянностью.

Вот так мы уставали в горячие зимние дни.

Господи! Пора остановиться. Перечню этих кошмаров несть числа.

Про Начальников и людей

Женщин от управления надо отстранять в законодательном порядке. И пускай это называют дискриминацией или как там кому нравится.

В силу каких-то свойств своей природы женщина очень быстро на начальственной должности обрастает любимчиками, фаворитами, лизоблюдами и теряет объективность при решении любого производственного вопроса.

Не так на нее посмотрят, не сразу захохочут над ее шуткой, резко возразят по делу, а корректное желание иных подчиненных придерживаться субординации воспринимается как пренебрежение

к начальственному расположению. У некоторых таких дам интересы дела отходят на второй план по сравнению с личными симпатиями и антипатиями.

Я часто сталкивалась с такими ситуациями, и меня это немало удивляло, а то и повергало в шок.

Ну вот, к примеру. Надо было срочно решить какой-то деловой вопрос, без которого работа могла остановиться. В нашей работе часто были такие авральные моменты.

Я постучала в дверь начальницы ГРЭП'а и услышала: «Войдите».

Начальница сидела за столом, и вокруг нее сгрудились сотрудники. Все бурно обсуждали свадебные фотографии ее племянницы. Начальница только недавно вернулась из родного Ефремова, где жила вся ее родня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.